

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ ауль, горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшенныхъ грозой..

2.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черешенки ужъ тамъ не слышны болѣ;
И въ знойный лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходить тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки, съ пикой за спиной,
Донской казагъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орель,
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ,—пустынная змѣя
Изъ-подъ камней тихонько выползаетъ;
На ней рябая блестящъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ; какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
Въ густой травѣ, на полѣ роговомъ.

4.

Сгорѣлъ ауль, и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ.. [къ
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, чер-
Порой объ немъ рассказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвить казаку: «скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?»

5.

Въ аулѣ томъ, безъ ближнихъ и друзей,
Дни проживали два родные брата;
И въ Пятигорьѣ не было грознѣй
И не было отважнѣй Акбулата. [дней;
Меньшой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ
Какъ цвѣтъ весенній подъ лучомъ заката,
Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
Но искра въ немъ тайлась и ждала.

6.

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рождениемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многие кончаютъ, преступленьемъ.
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбкѣ встрѣтила гроза!..

7.

Онъ росъ одинъ, на волѣ, безъ заботъ,
Какъ птичка межъ землей и небесами.

Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, засиженный мечтами,
Одинъ сидитъ до поздней ночи онъ,
И вокругъ него чудесный рѣветъ сонъ...

8.

А земляки—зачѣмъ, то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Паслись ихъ кони, и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ,
Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
Въ бешметъ шелковый, праздничный одѣвъ,
Привлечь одной улыбки горныхъ дѣвъ.

9.

Сбиралась ли ватага удалцовъ
Отбить табунъ, иль бранною забавой
Потѣшиться, остави бѣдный кровъ,
Имъ вслѣдъ съ усмѣшкой горькой и лукавой
Смотрѣли братья, сумрачны, безъ словъ,
Какъ смотреть облакъ иногда двуглавый,
Засѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣгъ луны,
Одинъ исполненъ грозной тишины.

10.

Дивились все взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого ли,
Что никому они дѣла свои
Не повѣряли и надменной воли
Склонить предъ чуждой волей не могли,—
Не знаю; тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой...

11.

Была ихъ сагля меньше всехъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленый.
Рядомъ блистали на стѣнахъ простыхъ
Арканъ, сѣдло съ насаждою вороненой,
Два башлыка, двѣ шапки боевыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ граненый,
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
Былъ законченъ въ дыму пороховомъ.

12.

Однажды Акбулата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. На долину
Туманъ ложился, какъ прозрачный дымъ,
И свезъ него, прорѣзавъ половину
Косматыхъ скалъ, какъ буркою, густымъ
Одѣтыхъ мракомъ,—дику картину
Родной земли и неба красоту
Обозрѣвалъ задумчивый Бешту.

13.

Вдали тянулись розовой стѣной,
Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговья;
Машукъ, склоняся лысой головою
Черезъ струи Подкумка голубья,—
Базалось, думалъ тяжкою стопой
Перешагнуть въ владѣнія чужія.
Съ мечети слѣзъ мулла. Ауль дремалъ.
Лишь въ крайней саглѣ огонекъ блистаетъ...